

Море Осколков:

Полкорода

Ужо Аберкромби

Полкороля

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-445
А14

Joe Abercrombie
HALF A KING

Copyright © 2014 by Joe Abercrombie Ltd.

Иллюстрация на обложке *Вячеслава Коровейникова*

Аберкромби, Джо.

А14 Полкороля / Джо Аберкромби ; [пер. с англ. Н. Иванова]. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Черная Фэнтези).

ISBN 978-5-699-79569-7

В мире, где властвует грубая сила, юноше с одной рукой нет места. Именно поэтому принц Ярви, младший сын короля Гетланда, выбрал для себя путь Служителя, мудреца, сидящего не на троне, но подле него.

Однако Рок распорядился иначе, и Ярви, не король, но «полкороля», вынужден занять отцовский престол. Ему придется столкнуться не только с крушением своих надежд, но и с ложью, жестокостью и предательством.

Волею судьбы очутившись в странном обществе изгоев и отбросов, Ярви сможет наконец стать тем человеком, каким ему должно быть.

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-445

© Иванов Н., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-79569-7

Посвящается Грейс

Нету в пути
Драгоценней ноши,
Чем мудрость житейская
**Старшая Эдда,
Речи Высокого**

Часть I

ЧЕРНЫЙ ПРЕСТОЛ

Большее благо

Лютый шторм бушевал той ночью, когда Ярви узнал, что он — король. Или, по крайней мере, полкороля.

Такой ветер гетландцы звали «ищущим», ибо он отыскивал любую щель и скважину и, как бы люди ни подпитывали огонь, как бы ни жались друг к другу, нес мертвенный хлад Матери Моря всякому жилищу.

Ветер терзал ставни узких окон матери Гундринг, и даже окованная железом дверь стучала о порог. Ветер дразнил пламя в очаге — пламя злобно плевалось и трещало, пририсовывало когти теням висевших повсюду сухих трав, мерцало на корне, который мать Гундринг подняла шишковатыми пальцами.

— А это?

С виду — обычный комок грязи, но Ярви выучил этот урок.

— Корневище черного языка.

— И для чего, мой принц, служителю брать его в руки?

— Служитель надеется, что брать его не придется. Его отвар без вкуса и цвета, но это — самый смертельный яд.

Мать Гундринг отбросила корень.

— Порой служитель обязан брать за темные и опасные вещи.

— Служители обязаны стремиться к меньшему злу, — сказал Ярви.

— И отмерять наибольшее благо. Верно. Пять ответов из пяти. — Один одобрительный кивок матери Гундринг, и Ярви зарделся от гордости. Одобрение служителя Гетланда не так легко заработать.

— На испытании загадки будут попроще.

— На испытании. — Ярви встревоженно потер скрюченную кисть сухой руки большим пальцем здоровой.

— Вы его пройдете.

— Откуда вам знать?

— Это долг служителя: сомневаться во всем...

— ...но всегда выражать уверенность, — закончил он за нее.

— Ну вот! Вас-то я знаю. — Это правда. Лучше нее его не знал никто, даже родная семья. Особенно родная семья. — У меня еще не было столь сообразительного ученика. Вы пройдете с первого раза.

— И перестану быть принцем Ярви. — При этой мысли он почувствовал лишь облегчение. — У меня не будет ни семьи, ни наследных прав.

— Вы станете братом Ярви, а вашей семьей станет община служителей. — Огонь высветил у глаз матери Гундринг морщинки улыбки. — Вашим наследством станут травы, и книги, и тихое слово. Вы будете давать советы и помнить, врачевать и говорить правду, познавать тайные пути и на всех наречиях торить дорогу для Отче Мира. Как пыталась поступать я. Это — самое доблестное из занятий, какую б чушь ни горланили на боевой площадке мускулистые олухи.

— Поди не прими всерьез этих мускулистых олухов, когда ты тоже там, на площадке.

— Хе. — Она покатала языком по небу и сплюнула в огонь. — После испытания вам придется на нее выходить лишь затем, чтобы перевязывать разбитые головы, если у них не заладится тренировка. Однажды вы примете мой посох. — Она кивнула на приставленный к стене заостренный прут из эльфовийского металла, с поверхностью, покрытой выпуклостями и впадинками. — Однажды вы сядете у Черного престола, и вас назовут отцом Ярви.

— Отцом Ярви. — Он поерзал на табурете при этой мысли. — Мне не хватает мудрости. — Он хотел сказать «не хватает храбрости», но ему не хватило храбрости это произнести.

— Мудрости учатся, мой принц.

Он вытянул к свету свою левую, ту самую, руку.

— А как же руки? Их обучить вы готовы?

— Вам не хватает руки, но боги наградили вас дарами ценнее.

Он усмехнулся.

— Вы про мой чудный певчий голосок?

— А хоть бы и так? И скорый ум, и способность к сопереживанию, и силу. Силу, благодаря которой человек обретает величие — не короля, но служителя. Отче Мир прикоснулся к вам, Ярви. Запомните накрепко: сильных много, мудрых — единицы.

— Теперь ясно, почему лучшие решения служителей проходят через женские руки.

— И, как правило, лучший чай. — Гундринг отхлебнула из чаши, которую он приносил ей каждый вечер, и снова одобрительно кивнула. — Но вот и еще один ваш великий дар — заваривать превосходный чай.

— Неслыханный подвиг. А когда я из принца превращусь в служителя, вы будете меньше мне льстить?

— Вам достанется столько лесты, сколько заслужите. А за все остальное — моим башмаком по заднице.

Ярви вздохнул.

— Над кое-чем перемены не властны.

— Теперь за историю. — Мать Гундринг выдвинула с полки одну из книг, с золоченого переплета подмигнули красные и зеленые камни.

— Сейчас? Мне встать с Матерью Солнцем, кормить ваших голубей. Я собирался немного поспать, прежде...

— Я позволю вам спать, когда пройдете испытание.

— Не позволите же.

— Вы правы, не позволю. — Она лизнула палец и начала перелистывать, захрустели древние страницы. — Скажите, принц, на сколько частей эльфы разбили Бога?

— Четыре сотни и девять. Четыре сотни Малых богов, шесть Высоких богов, первого мужчину, первую женщину и Смерть, что сторожит Последнюю дверь. Но разве тема эта впору служителю, а не прядильщику молитв?

Мать Гундринг поцокала языком:

— Служителю впору любое знание, ибо обуздать возможно лишь познанное. Назовите шесть Высоких богов.

— Матерь Море и Отче Твердь, Матерь Солнце и Отче Месяц, Матерь Война и...

Грохнув, дверь распахнулась настежь, и ветер-искатель ворвался в покои. Огненные завитки в очаге встрепенились, так же как Ярви, и заплясали, озаряя бликами сотню и сотню пузырьков и склянок на полках. Фигура входящего запнулась о порог, задевая связки сухих растений, закачавшихся, словно висельники.

Это был Одем, дядя Ярви. Мокрые от дождя волосы липли к его бледному лицу, и одышливо вздымалась грудь. Широко распахнув глаза, он уставился на Ярви и открыл

рот — но не издал ни звука. Тут и без дара сопереживания ясно, что его сгибает гнет тяжелой вести.

— Что такое? — сорванно каркнул Ярви, страх сдавил его горло.

Дядя упал на колени, руками в несвежую солому. Он склонил голову и тихо, хрипло выговорил два слова:

— Мой государь.

Вот так Ярви узнал, что его отца и брата не стало.

Долг

Они вовсе не выглядели мертвенно.

Только очень бледно — на двух холодных каменных возвышениях, в холодном зале, в натянутых по локти саванах, у обоих на груди блистали мечи. Ярви все ждал, что брат вот-вот скривит во сне губы. Что отец распахнет глаза и окинёт его знакомым презрительным взглядом. Но нет. Больше ни тот, ни другой так делать не будут.

Смерть раскрыла перед ними Последнюю дверь — из ее притвора не выходят обратно.

— Как это случилось? — с порога заговорила мать. Голос ее, как всегда, не дрогнул.

— Их предали, о королева, — прошептал дядя Одем.

— Я больше не королева.

— Конечно... прости, Лайтлин.

Ярви вытянул руку и мягко дотронулся до отцовского плеча. Холодное. Интересно, когда в последний раз он прикасался к отцу? Хоть раз прикасался? Он почти наизусть запомнил последний их разговор. Несколько месяцев тому назад.

Мужчина сечет косой и рубит секирой, говорил отец. Мужчина налегает на весла и вяжет тугие узлы. А главное — мужчина носит щит. Мужчина держит строй. Муж-

чина встает бок о бок со своим соплеčníком. Разве мужчина тот, кто ни на что из этого не способен?

Я не просил себе полруки, сказал тогда Ярви, как обычно стоя на полосе выжженной земли в битве между стыдом и яростью.

А я не просил себе полсына.

А теперь король Атрик был мертв, и его королевский венец, ужатый кузнецами в короткий срок, тяжело давил Ярви на лоб. Куда тяжелее, чем полагалось тонкому золотому ободку.

— Я спрашиваю, как они умерли? — повторила мать.

— Они отправились обсуждать мировую с Гром-гиль-Гормом.

— С проклятыми ванстерцами мириться нельзя, — про-
басил Хурик, Избранный Щит матери.

— Мы обязаны свершить месть, — произнесла мать.

Дядя попытался развеять бурю.

— Вначале идут дни скорби. Верховный король запре-
тил объявлять войну, пока...

— Мечь! — Ее голос кромсал, как битое стекло. — Ско-
рую, словно молния, жгучую, словно пламя.

Ярви украдкой взглянул на тело брата. Вот кто и скор, и жгуч, вернее — был прежде. Толстошей, крепко сби-
тый — у него уже пробивалась темная, как у отца, борода. Непохож на Ярви всем, чем только можно. Брат любил его... скорее всего. Любовью с кулаками, где протянутая рука дружбы обычно предвещала оплеуху. Так любят того, кто обречен вечно пред тобой ползать.

— Мечь, — рыкнул Хурик. — Ванстерцы нам заплатят сполна.

— Да провались пропадом эти ванстерцы! — восклик-
нула мать. — Надо принудить к послушанию наших. Надо